

Маленькая девочка проснулась и задалась вопросом, где же она находится. Здесь все было не так. Во-первых, ее тело казалось неправильным: совершенно неправильной формы — намного толще, но почему-то намного легче, чем было раньше. Она тоже лежала на чем-то огромном и очень толстом и мягком, совсем не похожем на обычную кровать, и голова ее лежала на подушке, но огромной. Была ли она вообще на планете Земля? Гравитация не чувствовалась. Но нет, такой вопрос мог придумать только маглорожденный. Не было никакой причины (и, вероятно, никакой возможности) для того, чтобы магия перенесла ее на другую планету.

Она попыталась пошевелить конечностями, и ее руки сжали что-то большое, мягкое и пушистое. Она немного повозилась с руками. Они казались неуклюжими, неуклюжими и гораздо менее проворными, чем она привыкла, но она начала ощупывать все вокруг, пытаясь оценить свое тело. Она сразу же поняла, что голова у нее слишком большая, а волосы короткие и вьющиеся, не достающие даже до подбородка, а не длинная густая грива, к которой она привыкла. Что-то было очень не так.

Девушка открыла глаза, моргая в утреннем свете. Комната была знакомой — той самой, в которой она спала большую часть первых двенадцати лет своего детства плюс последующие лета, но она выглядела по-другому — больше, чем раньше. Она посмотрела на свои руки. Мягкое существо, которое она держала, оказалось огромной плюшевой выдрой, почти такого же размера, как она сама. Ее руки казались толще, чем должны быть, и странно гладкими и без морщин, даже нежными на вид.

При ближайшем рассмотрении она обнаружила, что все-таки лежит на кровати, но невероятно большой... и почему по бокам были защитные ограждения?

Затем, в мгновение ока, она вспомнила.

Ее звали Гермиона Грейнджер. Она прошла через семь лет все более безумных и опасных боев, кульминацией которых стала битва, в которой погибли пятьдесят четыре хороших человека, многие из которых были друзьями. И так было с одним очень плохим человеком, в частности.

Волдеморт мертв, и нация хотела праздновать, но для тех, кто так много потерял, не было повода для празднования. Они хоронили своих мертвецов и делали все возможное, чтобы жить дальше, но это оказалось самой трудной частью всего.

Она пережила войну, и, несмотря ни на что, пережила и Гарри Поттера, любовь всей ее жизни. Когда у них наконец появился шанс обнять друг друга после той битвы, они не хотели отпускать. Теперь, когда все закончилось, они подумали, что могут, наконец, дать своим отношениям настоящую попытку и на самом деле действовать в соответствии со всеми теми чувствами, которые они так долго отбрасывали в сторону ради войны. И они пытались, и в большинстве случаев это было хорошо, но после всего этого, через год после финальной битвы, Гарри не был счастлив. Она не была счастлива. Они правда были, они были сломаны. Они оба потеряли слишком много людей — хороших людей — семью, друзей и наставников, вплоть до родителей Гарри.

И именно последняя часть действительно заставила ее задуматься.

Что, если это не должно было быть так?

Она работала над этим, в какой-то степени, почти с того момента, когда тела еще были теплыми на поле боя, как будто она инстинктивно знала, что до этого дойдет.

Она вошла в Отдел Тайн (были привилегии быть героем войны) и спросила Невыразимых, есть ли способ изменить то, что произошло. Конечно, ответ был нет. Они и раньше пытались путешествовать во времени на большие расстояния, и это не заканчивалось хорошо. Но Гермиона все равно попросила показать их файлы, и, работая вместе, они пришли к идее, возможно, отправить сообщение вместо человека, что, с некоторыми дальнейшими уточнениями, привело к плану, который они в конечном итоге опробовали. Это было глупо, опасно и безумно, не говоря уже о путешествии в один конец, но она должна была это сделать. Она должна была сделать это для него — для всех, но особенно для Гарри.

Для проведения ритуала требовался молодой ум — что-то вроде пластичности мозга. Чем старше был человек, тем выше риск того, что это сведет его с ума. К двадцати пяти им не повезло. Но тот, кто это сделал, должен был вернуться так далеко назад; они должны были быть живы и способны общаться осенью 1981 года. В двадцать лет Гермиона была единственным человеком, способным совершить путешествие, который был достаточно сумасшедшим (или достаточно отчаянным), чтобы это сделать, и на самом деле, было хорошее шанса, что она потерпит неудачу.

И даже если ей это удалось, нелегко убедить своих родителей, что вы внезапно проснулись с восемнадцатилетними воспоминаниями из будущего в свой второй день рождения.

Гермиона была почти уверена, что не сошла с ума, если только все это не было какой-то большой галлюцинацией, так что это был хороший знак для начала. Следующим шагом было поговорить с ее родителями и убедить их, что она не сошла с ума. Ну ничего за это. Было достаточно рано, чтобы они, вероятно, все еще были в постели. Она сползла с собственной кровати и уперлась ногами в пол.

И тут же упала лицом вниз.

Будучи такой маленькой, это не очень больно, но у нее определенно не было тех взрослых ног, которые целый год носили ее по всей Британии в бегах от Пожирателей Смерти. Ее пропорционально более толстое двухлетнее тело не привыкло к тяжелым нагрузкам и не имело контроля мышц и координации, к которым она привыкла. Тем не менее, она была девушкой на миссии. Она поднялась и поковыляла в комнату родителей, где забралась на их кровать.

Дэн и Эмма Грейнджер медленно проснулись и увидели, что их дочь спокойно сидит на кровати и пристально наблюдает за ними. Как ни странно для них, Гермиона изо всех сил сдерживала слезы. Они выглядели так молодо, подумала она. Как и ожидалось, она не помнила, чтобы они выглядели такими молодыми. Также было странно видеть их такими

большими , хотя это и не было неожиданностью.

— Э... привет... — сказала она, впервые пробуя свой голос. Он был высоким и скрипучим, но, надеюсь, не слишком сложным для понимания.

— Привет, — сказала ее мать с улыбкой, без сомнения думая, что Гермиона находится в одном из своих странных детских настроений. "С днем рождения, сладкий."

— С днем рождения, — повторил ее отец.

— Спасибо, — сказала она немного пренебрежительно. — Мама, папа, нам нужно поговорить.

Ее родители хихикнули над тем, что они, должно быть, подумали, что двухлетняя девочка пытается вести себя как взрослая. Это будет нелегко. Как она могла объяснить им, что она не та маленькая девочка, которую они уложили в постель прошлой ночью, а гораздо более взрослая, мудрая и более беспокойная версия самой себя, которая видела то, чего не должна видеть ни одна маленькая девочка?

«Теперь, Гермиона, то, что сегодня твой день рождения, не означает, что мы собираемся изменить время твоего сна», — снисходительно сказала мама.

Гермиона закатила глаза. «Не об этом, мамочка... Послушай... Это прозвучит совершенно безумно, но...» Она глубоко вздохнула. С таким же успехом можно было бы просто погрузиться: «На самом деле я Гермиона из 1999 года. Я ведьма, и я семь лет ходила в школу ведьм и волшебников, и я отправила свои воспоминания назад во времени, чтобы остановить зло. волшебник от убийства родителей моего парня».

Несмотря на то, что она так долго находилась вдали от маггловского мира, она прекрасно понимала, как нелепо это звучало. К чему она не была готова, так это к тому, что в ее скрипучем двухлетнем голоске это звучало еще безумнее. Конечно же, ее родители начали смеяться. Хотя, возможно, ни один двадцати четырёхмесячный ребенок в истории не смог бы связать такие предложения, они не могли думать ни о чем, кроме как о своей дочери, играющей в очень причудливую маленькую игру.

— Это действительно очень умно, Гермиона, — сказал папа. — Вчера ты говорил не так хорошо. Как ты вообще до всего этого додумался? А кто этот бойфренд, о котором вы упомянули? — поддразнил он.

Гермиона тяжело вздохнула, что, как она надеялась, передаст разочарование двадцатилетнего человека: — Его зовут Гарри Поттер, и он богат, красив и очень мил, и у него есть эта раздражающе благородная способность спасать людей, и он был знаменит . за то, что победил злого волшебника, но теперь его нет, потому что этого еще не произошло».

Мама снова хихикнула. «Ну, похоже, ты придумал конец своей сказке».

«Я сделаю это, если спасу его родителей. Мы можем сегодня поехать в Лондон? Пожалуйста?»

«Лондон? Почему ты хочешь поехать в Лондон?»

— Чтобы обменять несколько фунтов на галеоны, купите мою палочку, если Оливандер ее уже сделал, и сядьте на автобус до Хогвартса — это школа магии, — чтобы я мог рассказать профессору Дамблдору, как победить лорда Волан-де-Морта.

— Ну... ну... мы не можем сегодня поехать в Лондон, — сквозь смех сказала мама, удивленная тем, что ее дочь так долго твердит об этом. — Вся наша семья и друзья придут на твой день рождения.

И вот Гермиона осознала свой первый просчет. "О, нет. Мама, папа, они должны?"

"Какая? Разве ты не хочешь устроить вечеринку по случаю дня рождения?" спроси папу.

— Но теперь мне придется целый день притворяться двумя.

— Но тебе двое, милый, — сказала мама. — Вот что значит твой день рождения.

— Я знаю это, мама. Но мое тело — это два. Моему разуму двадцать. Это то, что я продолжаю говорить вам. Я даже не помню, как быть двумя».

"Как скажешь дорогой."

— Но я говорю правду! О, если бы только у меня была палочка, или я был бы достаточно стар, чтобы творить случайные заклинания. Тупое двухлетнее тело».

— Эй, Гермиона, нет ничего плохого в том, что тебе два года, — сказал папа. — Ты скоро вырастешь.

— Но у меня есть только время до Хэллоуина, чтобы спасти родителей Гарри!

— Ну, тогда это далеко. Если ты хорошо себя чувствуешь, может, завтра мы поедем в Лондон.

— Всего сорок два дня, папа, и я... О, хорошо, — проворчала она. — Тогда мы можем пойти завтра или... какой сегодня день недели?

Мама заговорила своим поучительным тоном: «Ну, вчера была пятница, так что...»

"Верно. Ну, в любом случае, воскресенье, наверное, самое лучшее. Гермиона глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. — Я имею в виду, что у нас есть время до Хэллоуина. Вероятно, в воскресенье мы встретим меньше студентов, бродящих по коридорам, и...

— Подожди, — папа переключил передачу. — Гермиона, ты минуту назад считала в уме количество дней до Хэллоуина?

— Конечно нет, папа. Я убедился, что знаю, прежде чем вернуться. В любом случае, в воскресенье Дамблдор сможет вызвать МакГонагалл, Хагрида и... Снейпа... в любое время. Хм... Мне нужно подумать, что делать со Снейпом.

"Чего ждать?" — сказал папа. «Кто такой Снейп? И... и Хагрид... и...?»

— Это учителя в школе магии, — сказала Гермиона. «Дамблдор — директор, МакГонагалл преподает Трансфигурацию. Снейп учит зельям, но он также двойной агент на войне, а Хагрид — ну, прямо сейчас он смотритель, но он начал учить магических существ после всего инцидента в Тайной комнате... Борода Мерлина, я должен сказать Дамблдору, чтобы очистить имя Хагрида тоже... Мне лучше начать список дел. Здесь есть ручка? Она слезла с кровати, проковыляла к тумбочке и встала на цыпочки, чтобы заглянуть в ящик.

— Борода Мерлина? — растерянно сказала мама.

"Ага!" Она вытащила блокнот и ручку из ящика стола и с ворчанием забралась обратно на кровать. Открыв блокнот, она начала писать: «Что... сделать...» Она нахмурилась, когда буквы вышли еле разборчивыми каракулями, как будто она пыталась писать в лучшем случае левой рукой, но продолжала. «Иди... в... Косой... Переулок...» Буквы начали сливаться. «Ах! Глупая двухлетняя моторика. Вот, не могли бы вы записать это для меня, пожалуйста, мамочка?»

Мама взяла блокнот с той же покровительственной улыбкой, но она быстро стерлась с ее лица, когда увидела буквы. Гермиона могла ударить себя. Она должна была подумать об этом с самого начала. — Дэн... — прошептала мама, показывая ему блокнот. Его глаза расширились так же, как и ее. — Гермиона... ты умеешь писать? она сказала.

— Да, я могла бы писать намного лучше, если бы у меня был полностью развит мозжечок, — проворчала Гермиона и скрестила руки на груди.

"Но как...?"

— Я сказал тебе. Магия и путешествия во времени».

« Магия и путешествие во времени ?» — недоверчиво сказал папа.

— Да... ты мне не веришь, да?

— Ну, просто... э-э, мы действительно не думаем, что ты можешь сделать что-то из этого, Гермиона.

«Ну, я могу. Я не вру, папа. И я не сумасшедший. Я ведьма, и я могу творить настоящую магию.

— Я уверен, что ты сможешь.

«Я не играю в игру! Я мог бы показать тебе, если бы у меня была палочка.

«Ой, а где взять палочку?»

— В магазине мистера Олливандера в Лондоне. Я уже говорила тебе, — раздраженно сказала она. «Почему ты мне не веришь? О, если бы я мог просто сотворить какую-нибудь случайную магию. Это бы сильно облегчило задачу». Она задавалась вопросом, действительно ли она способна на это в этом возрасте. Она попыталась сконцентрироваться на чем-то — может быть, левитировать прикроватную лампу.

— Милая, мы хотим тебе верить, — успокаивающе сказал папа. Ей пришлось усомниться в этом. — Но ты не имеешь никакого смысла.

— Я все понимаю, — сердито отрезала она. — Ты просто не хочешь мне верить. Я знаю, это звучит безумно, но это правда. Я использовал магию, чтобы вернуться в прошлое из 1999 года. Вы должны мне поверить!»

— Гермиона, пожалуйста, успокойся, — сказала мама. Гермиона заметила, что мама стала очень тихой, пытаясь понять, как она может писать в блокноте и использовать громкие слова, которые она использовала.

Она не сдавалась. «Я не успокоюсь!» — пронзительно воскликнула она. «Я пытаюсь спасти родителей моего парня! Есть злой волшебник, который хочет убить их из-за пророчества, и я единственный, кто может его остановить! На самом деле, она начала думать, что, может быть, быть двумя будет не так уж и сложно. Должно быть, это ее двухлетняя лимбическая система, которая еще недостаточно развита, чтобы правильно справляться со взрослыми эмоциями.

Голос ее матери стал жестче: — Гермиона, я думаю, тебе нужен тайм-аут.

Гермиона еще больше разозлилась: «Мне не нужен тайм-аут. Мне двадцать чертовых лет! Я здесь пытаюсь спасти мир, а вы двое ведете себя как парочка чертовых идиотов!

— Вот так, — сказала мама. — У тебя определенно есть тайм-аут. Вы не должны обзывать или использовать подобные выражения». Она подняла Гермioniу, чтобы вынести ее из комнаты.

Гермиона начала брыкаться и брыкаться. «НЕТ, НЕ БУДУ!» она закричала. "НЕ БУДЕТ! НЕ БУДЕТ! НЕ БУДЕТ! НЕ БУДЕТ! НЕ БУДЕТ!"

А потом это случилось. Прикроватная лампа поднялась в воздух. Он завибрировал на мгновение, а затем лампочка взорвалась. (К счастью, шторка заблокировала летящее стекло.) Затем все это рухнуло на пол.

Мама и папа ахнули, а Гермioniа внезапно обмякла от истощения. Ей казалось, что она только что пробежала марафон или что-то вроде двухлетнего эквивалента.

— Ч-что это было? - испуганно сказала мама.

— Что это было ? — отозвался папа.

— Магия, — устало сказала Гермioniа.

«Магия?» Мама сказала. Она снова села с ней на кровать.

"Ага."

— Но тогда... это все правда? — сказал папа.

— Каждое слово — я имею в виду магию, — со слезами на глазах сказала Гермioniа. «Мне очень, очень жаль. Я не хотел обзывать тебя. Я не имел в виду ничего из этого. Я не думаю, что вы идиоты. Просто мне нужно было довести себя до достаточной истерики, чтобы случайно сотворить магию.

«Случайная магия? Вот что это было?» — сказал папа. — Но как... почему...?

— Маленькие дети могут случайно творить магию до того, как смогут управлять ею с помощью палочки, — сонно сказала Гермioniа. Внезапно она осознала, как приятно лежать на руках матери, даже если она пыталась дать ей тайм-аут. «Это вызвано сильными эмоциями. Вот почему мне пришлось устроить массовую истерику, чтобы сделать это. Мне очень жаль. Я не хотел причинять тебе боль».

— Но тогда... бойфренд? Злой волшебник? Путешествие во времени ? - в ужасе сказала мама.

«Все верно».

— Но тогда ты действительно... — сказал папа.

— Двадцать лет, да.

— О, мой малыш, — сказала мама, крепко обнимая ее. «Восемнадцать лет? Мы пропустили восемнадцать лет?»

— Мамочка, пожалуйста, постарайся держать себя в руках, — быстро сказала Гермиона. «Я обещаю вам обоим, что вы оба были замечательными родителями в течение следующих восемнадцати лет, и как только мы разберемся с этим, я надеюсь, мы сможем найти способ вернуть эти годы, но сначала нам нужно разобраться со злым волшебником». Затем она зевнула с писком. — Мне нужно вздремнуть, сейчас же.

— Ч-что? - растерянно сказала мама. "Короткий сон? Н-но ты только что встал. Ты... ты себя хорошо чувствуешь? Ее материнские инстинкты вновь заявили о себе, и она почувствовала лоб Гермионы.

— Я в порядке, — сказала она. «Просто случайная магия сильно отняла у меня силы».

"Хм? Как это? — сказал папа.

«Трудно заниматься магией до одиннадцати лет и намного сложнее до пяти лет. Мое тело действительно не готово к этому».

— Ну... тебе нужно к врачу? — спросила мама.

"Нет! Нет. Магию нужно держать в секрете.

— Но если это причиняет тебе боль...

«Мне не больно. Я просто устал. Действительно. Пожалуйста, не звоните врачу. Он просто начнет задавать вопросы, на которые я не смогу ответить. Это всего лишь волшебное истощение. У меня было намного хуже».

"Но-"

«Мама, папа, пожалуйста, поверьте мне в этом. Обещаю, что объясню все позже, но сейчас мне очень нужно вздремнуть.

Ее родители, наконец, согласились, и Гермиона перевернулась, свернувшись калачиком рядом с матерью, и заснула.

Гермиона снова проснулась, все еще в постели родителей. Мама лежала рядом с ней, обхватив ее одной рукой. Проснуться в таком положении было на удивление приятно. У нее было много претензий к своему двухлетнему телу, но в этом был один плюс. Мама проснулась, но выглядела ошеломленной. Гермиона видела, что она плакала. Она поднялась, наклонилась и поцеловала ее в щеку.

Мама моргнула, очнувшись, села и усадила Гермиону к себе на колени. Гермиона свободно прижималась к ее боку. Это казалось странным делать это в ее умственном возрасте, но она действительно чувствовала, что усваивает некоторые естественные манеры двухлетней девочки. Должно быть, это снова ее лимбическая система. Наверное, поэтому она продолжала называть их мамой и папой. Папа сидел в кресле у кровати, выглядя уставшим и обеспокоенным.

— Хорошо, Гермиона, — тихо сказала мама, хотя и изо всех сил старалась говорить ровно, — теперь мы все немного спокойнее, так что не могли бы вы начать с самого начала и рассказать нам, что именно происходит?

Гермиона и сама была немного лучше. — Это зависит от того, — сказала она. — Сколько времени у нас есть до прихода гостей?

— О господи, гости, я забыл. Мама приложила руку ко лбу и посмотрела на часы. «Около часа, а нам еще нужно подготовиться. Но что я говорю? Как мы можем устроить вечеринку в такое время? Я просто отменю это». Она начала подниматься.

— Нет, мама, подожди, — остановила ее Гермиона. «Ты был прав раньше. Мы не можем просто отменить это. Магия должна храниться в тайне. Есть что-то под названием Статут секретности. Мне придется сделать все возможное, чтобы сыграть вторую роль, а тебе придется меня прикрывать».

— Но ты... ты... ты сказал, что ты... — она снова начала задыхаться.

— Я знаю, но мы ничего не можем сделать. Если кто-то еще узнает о магии, это может вызвать много неприятностей. Вам двоим позволено знать, потому что вы мои родители, но это все... И, кроме того, технически это мой день рождения. Когда я вернулся, у меня был день рождения».

— О... ну... тогда, с днем рождения, — неловко ответила она, бормоча себе под нос: — Мы можем это сделать. Мы можем заставить это работать».

— Э-э, спасибо, — сказала Гермиона. "Не волнуйся. Все будет хорошо.

— Хорошо, Гермиона, — наконец сказал папа, — но нам все равно нужно знать, что происходит, особенно с тем злым волшебником, о котором ты говорила.

«Хорошо, позвольте мне дать вам быструю версию. Ты выучишь полную версию завтра, если все пойдет хорошо, хорошо? Ее родители кивнули. «Хорошо, значит, магия существует. У большинства людей нет магических способностей, но у некоторых они есть. Людей, обладающих магией, называют ведьмами и волшебниками, а людей, не обладающих магией, — магглами. Не спрашивайте меня, почему; они просто есть».

Она снова выругала свой писклявый двухлетний голосок. Она просто не могла звучать серьезно с таким голосом, и она не была уверена, как долго сможет продолжать говорить. «Сейчас в Британии около десяти тысяч ведьм и волшебников, — продолжала она. — У них есть свое общество, отрезанное от маггловского мира, но около десяти процентов из них — маглорожденные, что, в частности, означает, что у них нет волшебных родителей или бабушек и дедушек — таких, как я.

«Проблема в том, что некоторые ведьмы и волшебники думают, что маглорожденные хуже всех остальных, и есть террористическая группа, называемая Пожирателями Смерти, которые хотят избавиться от нас, и Волшебная Британия фактически ведет против них гражданскую войну. Их лидер называет себя лордом Волан-де-Моргом, и он настолько злой и могущественный, что большинство людей боятся произнести его имя».

Вероятно, это было не то, что ее родители надеялись услышать. Оба смотрели на нее с открытыми ртами. Гермиона протянула руку и закрыла мамин рот. Она не могла не хихикнуть.

— Я не думаю, что это повод для смеха, Гермиона, — сказал папа. — Мы здесь в опасности?

— Нет, мы в порядке, папа. Мое случайное волшебство было зарегистрировано в Министерстве, но Пожиратели Смерти не стали бы возиться с такими вещами, пока мне не исполнится одиннадцать, даже если бы у них был доступ. Но это не главное. Важно то, что есть маленький мальчик по имени Гарри Поттер, который живет в... в... да ладно, я знаю, где он живет... — сказала она себе, но не могла об этом думать. «Вау, я действительно не помню, где он живет... о, но это хорошо! Это означает, что заклинание Фиделиус работает. Итак, его местонахождение магически защищено от всех, кроме нескольких доверенных лиц, которые знают об этом.

— А Гарри Поттер — это парень, которого ты упомянул? Папа уточнил.

— Да, и он совершенно замечательный, папочка, так что тебе не о чем беспокоиться. Но сейчас он и его семья прячутся, потому что Гарри пророчествовал, что он победит Волдеморта... ну, на самом деле, все намного сложнее, и пророчество на самом деле не обязательно должно исполняться, но это в основном так. ».

« Пророчествовал ?» - недоверчиво сказала мама.

— Магия, — напомнила ей Гермиона. — Во всяком случае, чего они не знают, так это того, что человек, которому они доверили свое местонахождение, — предатель. А в ночь на Хэллоуин... Боль начала возвращаться к ней. «Вот что произойдет, если я не остановлю это. В ночь на

Хэллоуин Волан-де-Морт собирается убить родителей Гарри. А потом он попытается убить Гарри, но, поскольку его мама умрет, чтобы спасти его, проклятие Волдеморта отразится и на нем. Это разрушит его тело, но не убьет полностью. А потом ... — Ее голос на мгновение оборвался. — А потом он вернется к жизни в 1995 году — в конце моего четвертого года обучения в Хогвартсе, школе магии.

— Он может это сделать? Мама задыхалась.

"Да он может. Долгая история — действительно ужасная, если честно. Обо всем этом я расскажу завтра. После этого война начнется снова. Гарри, я и несколько других учеников присоединимся к борьбе с Волдемортом — да, я знаю, что мы будем всего лишь детьми, но больше мы ничего не сможем сделать — еще одна длинная история. В результате Гарри навсегда убьет Волдеморта в 1998 году, но к тому времени погибнет много хороших людей — слишком много».

— А ты... ты уже пережил все это когда-то? - в ужасе сказала мама.

— Да, мамочка, — сказала Гермиона дрогнувшим голосом.

Мама просто прижала ее к груди и снова заплакала, не находя слов.

— Мамочка, мамочка, пожалуйста, не плачь, — сказала Гермиона. «Если ты начнешь плакать, то я начну плакать, и весь день будет пустым». К сожалению, мама, похоже, не собиралась сдаваться, и Гермиона тоже начала сдаваться. — М-мамочка, п-пожалуйста, я не могу этого сделать, — сказала она. «Мне нужно оставаться сосредоточенным. У меня только миндалевидное тело двухлетнего ребенка. Пожалуйста, не плачь. Я выбрался из этого хорошо, и вы двое тоже. Это был Гарри — ему было так больно после... Но на самом деле это были все мы. Мы потеряли так много, что мне пришлось вернуться».

— Так ты... ты использовал магию для путешествий во времени? — сказал папа. — Или скорее отправить свои воспоминания обратно? Чтобы спасти людей, погибших на войне?»

"Да. Вот почему я вернулся — остановить это — остановить как можно раньше. Я знаю, как избавиться от Волан-де-Морта сейчас или, по крайней мере, в ближайшее время, и я могу спасти родителей Гарри, подрезать сухожилия Пожирателям смерти и положить конец войне до того, как погибнет еще много людей. Но мне нужно как можно скорее рассказать все Альбусу Дамблдору — он возглавляет военные действия против Волдеморта. Он очень силен, и он единственный, кого боится Волдеморт. А еще он директор Хогвартса.

— Он школьный учитель? — сказал папа.

«Папа, когда в стране всего одна школа, это огромный стратегический актив».

"Хорошо. Хорошо... так вот почему тебе нужно ехать в Лондон?"

«Мм хм. Это сложно, но у меня есть кое-что, что мне нужно сделать там завтра. Но это сейчас не важно. Я могу провести вас через это завтра. Сейчас важно пройти вечеринку, не вызвав ни у кого подозрений. Mamочка, ты поправишься?»

Мама начала необъяснимо смеяться и плакать одновременно. — Т-ты... ты спрашиваешь меня ? она сказала. — После всего, через что ты прошел? И я... я так много пропустил в твоей жизни, теперь...

Гермиона встала у мамы на колени и обняла ее за шею. — Мама, все будет хорошо, — сказала она. «Я все еще твоя дочь, я все та же Гермиона. Я просто немного вырос».

"Немного?"

«Хорошо, больше, чем немного. Но я обещаю, все будет хорошо. Мы найдем способ пройти через это. Поверь мне, я хочу вернуть эти восемнадцать лет назад так же, как и ты. Я не могу расти, когда мой парень на девятнадцать лет моложе меня». В этот момент и мама, и папа ахнули. — И я тоже не хочу причинять тебе такую боль. У меня есть смутное представление о том, как это сделать, но мне нужно спросить Дамблдора, и нам действительно нужно сначала избавиться от Волдеморта. Хорошо? Мы действительно должны подготовиться».

Наконец, с трудом, мама взяла себя в руки, и они с папой приложили все усилия, чтобы устроить вечеринку. Гермиона задала несколько вопросов о том, как она говорила и как действовала, и попыталась приспособить свою речь к чему-то правдоподобному. Это было нелегко. Даже будучи очень способным ребенком, она должна была попытаться ограничить свой словарный запас примерно сотней слов, не говорить предложениями длиннее трех слов, использовать меньше местоимений и очень небрежную грамматику. Они только надеялись, что естественной непредсказуемости двухлетних детей будет достаточно, чтобы скрыть любые оплошности.

Эмоциональное состояние ее родителей, особенно мамы, было труднее всего скрыть. Мама явно плакала все утро, но ей удалось выдать это за слезы радости, когда она увидела, как растет ее маленький ребенок. Гермиона была просто не в себе. Когда прибыли гости — ее бабушка и дедушка, тети, дяди, двоюродные братья и пара друзей семьи — ее реакция была на самом деле довольно реалистичной. Прошло так много времени с тех пор, как она видела большую часть своей маггловской семьи, и, к своему стыду, она знала их не намного лучше, чем на уровне двухлетнего ребенка. С другой стороны, даже с ее слабо развитой лимбической системой ей было трудно вести себя с должным энтузиазмом по поводу подарков на день рождения, а вежливость, внушенная ей в последние годы, делала ее неправдоподобно вежливой, благодарившей всех за их подарки без каких-либо подсказок. .

Но тем не менее ее родителям удалось выдать ее за ее обычную интеллигентность, и к тому времени, когда все гости ушли, ни один из них не задал вопроса, на который не мог бы ответить, хотя это и утомило их всех.

— Уф, — сказала мама, проводя последних гостей. «И я думал, что регулярные вечеринки по случаю дня рождения могут быть утомительными. Если это будет продолжаться долго, нам, возможно, придется сократить нашу социальную жизнь».

— Говори за себя, мама, — сказала Гермиона. «Все мои друзья — дети». Она зевнула и свернулась калачиком на диванной подушке. — Разбуди меня к ужину. Она слышала, как мама, по-видимому, посмеивалась над ее миловидностью, засыпая.

Еще раз, одна вещь, на которую Гермиона не жаловалась в этом возрасте, была на качество времени с ее родителями. В тот вечер они втроем сидели на диване и вели очень, очень странную беседу. Она видела их так мало с тех пор... ну, с тех пор, как поступила в Хогвартс, на самом деле — она вернулась домой только на Рождество на первом курсе — было хорошо иметь возможность снова поговорить с ними, даже если много это давало ужасающие яркие моменты всех случаев, когда она чуть не умерла в школе.

"Третий год?" — неловко сказала она. — На третьем курсе были дементоры... э, ты не хочешь знать. Просто... поверь мне в этом. Вы не хотите знать. Некоторые вещи лучше оставить похороненными».

«Хуже, чем гигантская змея, которая может убить взглядом?» — недоверчиво сказал папа.

"Определенно."

— И тебе все еще нравился этот твой волшебный мир? Извини, Гермиона, но ты говоришь, что это действительно ужасное место.

— О нет, папа. Волшебный мир — прекрасное место. Я видел там чудеса, которые вы даже не можете себе представить. Я... я спал под звездами в помещении Большого Зала. Я проехал через всю страну на спине дракона. Я видел спортивные состязания на метлах со скоростью сто миль в час. Я стал невидимым. Я подружился с великанами, эльфами, оборотнями и вейлами. Там так красиво — завтра увидишь. Я хочу, чтобы вы увидели — о, я должен был попытаться ввести вас в волшебный мир больше в первый раз. Я хочу загладить свою вину. Вот увидишь — увидишь завтра».

— Хорошо, Гермиона, — сказал он, хотя и скептически. «Я уверен, что мы будем».

<http://tl.rulate.ru/book/75681/2250799>